

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Перспективы анархизма в Беларуси

Революционное действие

Революционное действие
Перспективы анархизма в Беларуси
11.09.2014

Скопировано 19.07.2018 с
<http://revbel.org/2014/09/perspektivy-anarhizma-v-belarusi/>

ru.theanarchistlibrary.org

11.09.2014

жение в обществе, пополним движение кадрами, наберем-ся опыта и создадим свою традицию. Так же, как возможные позитивные последствия можно назвать освобождение политзаключенных (уже находящихся в тюрьмах, так и тех, кто может появиться во время событий), пополнение ресурсной базы (от финансов до средств самообороны) и позитивный пример для анархических движений в других странах и регионах.

Заключение:

Каждый сам для себя ищет мотивы участия в движении, но целью этого доклада было не попытка найти единый для всех мотив, а попытка найти реалистичный и наиболее короткий путь к нашему идеалу. Возможно, прогнозы описанные тут, не сбудутся, так же, как минус можно назвать описание конечного перехода к либертарному обществу. К сожалению, мы можем лишь крайне схематически представить, как на практике будет выглядеть и откуда начнется анархическая революция. Поэтому не берем на себя право описывать этот момент подробно. Единственное, что мы четко осознаем — это процесс крайне длительный, тернистый, в котором многие поколения революционеров прошлого прожили жизнь, не дождавшись даже подобия на социальную революцию. Но, в данном случае, именно тяжесть пути указывает на его необходимость.

Ведь если для воцарения истинно справедливого общества необходимо приложить столько усилий, пройти такое количество «ступеней» и сколько УЖЕ людей уже отдали за дело это жизнь... не значит ли это насколько в несправедливом обществе живем сейчас мы.

пролетарская природа протеста), так и слабые (чаще всего меркантильные, сугубо шкурные интересы, которые отстаивают протестующие).

— **Необходимо понимать, что раз на социальную революцию мы не надеемся**, то и после революционных событий последует вполне ожидаемая волна реакции, апатии и репрессий (от новой или старой власти). В этом случае нам необходимо уловить перемены в обществе, потерю интереса к радикальным действиям со стороны людей и перевести всю инфраструктуру, радикальные звенья и прочие чувствительные к репрессиям части движения на подпольное положение. Радикальные действия в этих условиях можно продолжать, но не стоит надеяться на поддержку масс, а так же на такой же значительный рост влияния и численности как и во время революционной волны. Фактически, если прогноз оправдался и революционная волна пошла на спад — необходимо переводить движение на рельсы, описанные в пункте №4 (за исключением того, что открытые площадки станут мгновенно целью любых репрессий, особенно если революция не достигнет своего результата, поэтому с ними тоже необходимо быть аккуратными).

К сожалению, часто проблемы у анархистов заключались в отсутствии чутья на сход революционной волны: в некоторых ситуациях, когда люди уже устали от революции анархисты продолжали совершать экспроприации, теракты (как пример революция 1905 года) и становились жертвами государственных облав, в других, наоборот, в момент когда революцию можно было доводить до логического конца и расширять горизонты, они сворачивали действия (события в Испании времен 1936).

— **В итоге, с революционной волны мы хоть, в ближайшей перспективе, и не выйдем победителями**, однако, в случае адекватного подхода, укореним наше поло-

Оглавление

1. Цель анархизма в стратегическом плане	5
2. Нелегкий белорусский контекст.	6
3. Потенциальные “проблемки” в темноте.	9
4. Тактические направления во время господства реакции.	11
5. Революционная волна или активная фаза.	16
Заключение:	23

ли — не просто «возвращение зарплаты», но социальная революция. Возможно, это вызовет некоторое неприятие со стороны угнетенных, но потакая меркантильным требованиям людей мы не добьемся успеха, лишь отдадим наш идеал в обмен на временный пиар. Забастовщикам и протестующим такого рода потребуется как помощь в освещении их борьбы, переноса забастовок на другие предприятия, так и в силовой поддержке в случае если власти решат нагнать штрейкбрейкеров, «освободить» помещения и так далее. Так же, для полноценного контакта с протестующими для этих событий нам необходимы толковые агитаторы, которые смогут убедить протестующих в нашей искренности и эффективности методов борьбы, а так же ограниченности борьбы экономической без борьбы политической. В лучшем случае, после череды забастовок, стачек и захватов предприятий в столице может собраться огромный митинг, куда больший, чем собирает политический протест, на котором наши действия будут близки к действиям в 1) пункте. Опыт боснийских анархистов показывает, что благодаря отстраненности других политических сил от социальной и экономической борьбы, мы сможем стать единственным движением, участвующим в такого рода событиях и занять в низах как множество участников движения, так и сторонников своих взглядов (в Боснии до кризиса начала 2014 было 10-20 активистов анархического движения, теперь же их около 50-60 человек, совершенно различного социального положения и возраста).

Так же, из-за децентрализованной природы социально-экономического протеста сможем расширить влияние на регионы.

Наиболее вероятный вариант развития событий. Имеет как сильные стороны (официальная оппозиция этот протест не контролирует ни капли, социальные лозунги,

вящего режима (в виде череды антигосударственных погромов в регионах и забастовок на заводах). К сожалению, этот замечательный шанс мы упустили.

Сомневаемся в возможности повторения такого же сценария в Беларуси.

3) *Забастовки и стачки, перерастающие в политические манифестации.* Что-то подобное уже было в Беларуси в 1990-х, до прихода Лукашенко к власти. Марш солигорских шахтеров, миллионные митинги в Минске, социальные требования о лучшей доле. Сложно прогнозировать, как это будет выглядеть в наше время, однако, ясно одно — в случае перехода забастовок от чисто экономических требований к политическим, отношение к ним со стороны власти изменится от попытки найти компромисс к мгновенным репрессиям. Можно заметить, что многие чисто экономические забастовки, стачки, демонстративные выходы из профсоюзов власть старается решить подобием компромисса, не доводя ни до активной фазы, ни до политизации протеста. Но ресурсы белорусского государства не безграничны, в скором времени оно уже не сможет удовлетворять материальные аппетиты пролетариата и с этим связаны определенные риски для стабильности системы.

С нашей стороны самый адекватным будет подход, который использовался ребятами в Москве и в Питере в «битах за общежития» и диких стачках. Где есть возможность быть выслушенным, там нужно агитировать на захват заводов или иных помещений, перекрытие трасс, блокад. В случае накаленной атмосферы мы можем попытаться инициировать радикальные действия самим, с широким освещением этих действий не как политической силы, а именно как части забастовщиков, дольщиков и т.д. Таким образом мы можем вызвать волну подобных же действий и мгновенный выход на политический протест. Для самих же протестующих должны быть ясны и понятны наши це-

1. Цель анархизма в стратегическом плане

— **Построение анархо-коммунизма как справедливого общества по всему миру.** Анархия в отдельно взятой стране, на отдельно взятой территории — это оксюморон и, либо пойдет на компромиссы с иерархическими институтами и несправедливостью, либо будет подавлено силой оружия.

— **Отрицание мирных путей разрешения конфликта с государством и капиталом.** Традиция анархизма отрицает возможность мирного разрешения конфликта между народом и эксплуататорами, между народом и государством. Это связано с самим отрицанием возможности государства или другого иерархического института реализовать какой-либо гуманистический идеал. Именно из-за этих противоречий разошлись социал-демократическое движение с анархистским.

— **Социальная революция и гражданская война как самые вероятные способы установления анархии.** Если считать невозможным мирное разрешение классового и политического конфликта между угнетаемыми и угнетенными, то остается только одно — борьба. Дойдя до высшей точки, борьба примет кульминационную стадию, наиболее кровавую и беспощадную — социальную революцию, которая может выражаться либо в быстрой победе над репрессивным аппаратом угнетателей и переустройстве общества, либо в гражданской войне с представителями репрессивного аппарата. Переустройство общества после социальной революции (именно последующий этап отличает социальную революцию от буржуазной) является самой главной, заключительной фазой развития классового конфликта в истории человечества. Сложно прогнози-

ровать, с какими проблемами столкнуться восставшие и победившие, но очевидно одно — без сознательного движения масс, без осознания ими ошибок прошлого и без переориентации людей на некий идеал из этого ничего не выйдет.

— **Ценности “большинства” и проблема ценностного перелома. Приход большинства к идеям о свободе и равенстве.** К сожалению, в окружающем нас мире угнетенные часто не осознают своего угнетенного положения, либо принимают это за факт, данность, с которым ничего не поделаешь. Часто, отрицая ценность понятий “свобода”, “право решать”, “справедливость”, угнетенные сводят свои ценностные категории к категориям материальным (“хорошо жить”, “иметь достойный заработок”, “обеспечить семью”), что капитализм активно поддерживает и укореняет. В данных категориях нашим идеям места нет, а вывести из этих категорий людей небольшому движению не представляется возможным. По-моему убеждению ценностный перелом для более-менее значительной части угнетенных может возникнуть только в условиях серьезного социального конфликта, значительных потрясений, когда старый “джентельменский” набор перестанет работать и люди будут в поиске принципиально новых ориентиров в жизни.

2. Нелегкий белорусский контекст.

— **Общественная апатия.** Тотальная атмосфера страха, запуганность населения является, наверное, одним из самых мощных факторов отсутствия в Беларуси каких-либо значительных политических движений. Допустив в свою сторону неоднократные репрессии, вначале в связи с политическими событиями (выборы), следом последовали и

украинского национализма (связанная с УПА, ОУН и прочим), которая в конце 2013 казалась себя исчерпала, получила второе дыхание.

2) *Хлопающие акции.* Повторение 2011 года, флэшмобы и прочие креативные виды протеста (стоп-бензин, стоп-налог и тд). Люди организуются через социальные сети и потом реализуют план на улицах. В этом случае мы сможем как помочь организовать людям (используя Тог и зарегистрировав профиль на левую сим-карту) в социальных сетях, тем самым создав себе виртуальную трибуну. Однако, нужно понимать, что большинство белорусов сидит в vk, а следовательно ничто не помешает КГБ попросту обратиться к администрации социальной сети с просьбой удалить группу или событие. Так же есть возможность непосредственно радикализировать конфликт через прямое участие. По опыту 2011 можно сказать, что такие протесты имеют децентрализованную природу, а следовательно мы сможем обзавестись мощными региональными отделениями и сместить центр тяжести ближе к регионам.

Как пример хлопающие акции 2011 года можно было радикализировать, придя на них группой из 20-30 человек, с необходимыми требованиями конспирации, и как только начались бы задержания милицией в штатском — дать организованный отпор при помощи рук и подручных средств. Есть шанс, что люди бы подхватили атмосферу антигосударственного погрома (для этого можно было бы зарядить, к примеру, «Бей бандитов!» ну или напрямую «Гаси ментов!») и уже последующие события сложно было бы прогнозировать. Очевидно, что если бы хлопающие бы начали давать и смогли бы хоть раз погнать милицию в штатском, то конфликт бы перерос на совершенно иной уровень. В купе с проблемами в экономике, которые переживала тогда Беларусь это могло быть концом для пра-

мообороны и призвала бы людей отстаивать свои права в действии. Так же можно было бы призвать всех в толпе выключить видеозаписывающую аппаратуру, дабы обезопасить себя от тихарей. В случае столкновений с милицией быть в первых рядах, организовать медицинскую помощь, иметь боевой отряд для прорыва оцепления там, где это необходимо. Постараться захватить трибуну, а в случае призыва официальной оппозиции не провоцировать — постараться оппозицию с трибуны согнать или лишить их оборудования (к примеру, поломать)

На данный момент считаем такой вариант развития событий маловероятным, но довольно привлекательным с точки зрения перспектив.

Экскурс в события на Майдане:

«Правый сектор» это объединение нескольких ультраправых и националистических организаций (УНА-УНСО, Белый молот, Тризуб), которые никак не относятся к движению за Евроинтеграцию и пришли, грубо говоря, совершенно не на свой протест. Первая попытка этого объединения радикализировать протест закончилось относительным провалом, представители официальной оппозиции заклеили Правый сектор провокаторами и титушками, в последствии это мнение разошлось среди основной части протестующих. Однако этим самым Правый сектор спозиционировал себя как радикальную уличную силу, и когда, уже через некоторое время, Правый сектор предпринял вторую попытку к радикализации конфликта, прорыв на Грушевского, то он, по сути, инициировал революцию на Украине. Теперь Правый сектор это довольно перспективная политическая сила, а идеология

репрессии в отношении обычных флэшмобов, которые завершились апогеем атмосферы страха — взрывом в метро и расстрелом невиновных (как минимум, в глазах большинства людей). Этим самым государство утвердило себя на территории РБ как окончательного господина, которому решать что запрещено, а что разрешено, и это дало свои всходы в отношении людей к чему-либо “крамольному”. Угнетенные часто подвергают себя самоцензуре и находятся в состоянии перманентной паранойи, которая их парализует и мешает адекватно оценивать происходящее в стране.

— **Отсутствие альтернативной системы ценностей. Консюмеризм и материализм среднего поколения и старшего поколения.** Как продукт перелома советской системы и лихих 90-ых, люди среднего возраста (35-50 лет) обладают соответствующим взглядом на насущные проблемы и ориентиры в жизни. Уровень жизни стоит во главе угла, именно по уровню жизни беларусы оценивают правительство и Лукашенко. К сожалению или к счастью, нам практически нечего предложить данной категории людей, потому что борьба, даже за материальные блага, не может проходить без потерь, а особенно в нашем контексте это означает репрессии против самых активных и потерю ими всего (что часто угнетенные и осознают).

— **Отсутствие у анархистов традиций на территории РБ.** Если в какой-либо мере антиавторитарные традиции на территории Беларуси в прошлом не получили особо распространения (за исключением бобруйских анархистов-взрывателей, пары средневековых сект и Абдираловича), как, в прочем, и другие левацкие течения (за исключением Калиновского), то правыми и сталинистскими тенденциями усеяна вся история Беларуси. Начиная от побед шляхты над королями в ВКЛ, заканчивая партизанами времен Второй Мировой — на все эти образования

или течения не имеют к анархизму никакого отношения. Вполне можно сказать, что они по сути своей противоречат самой идее о равенстве и безгосударственном коммунизме. У угнетенных так же нет своей традиции борьбы за социальные изменения или, хотя бы, с социальными лозунгами.

— **Репрессивный аппарат и полицейское государство.** Тотальный контроль в Беларуси является суровой данностью, с которой нам приходится сталкиваться практически во всех моментах нашей политической деятельности. Государственный аппарат и полицейский аппарат в частности достигли некоего подобия монолитности, заглушив внутренние противоречия под диктаторской рукой Лукашенко. Криминал и коррупция (как нарушение регламента или указов сверху) практически сведены к нулю и, как следствие, кроме политических оппонентов и других государств у аппарата не остается никаких других соперников.

— **Иллюзия материального благополучия.** Идея фикс в виде “500 долларов зарплаты” возымела свое действие: люди стали оценивать свое материальное положение именно по этому усредненному положению, не смотря на то, что материальное положение белорусов в сравнении с поляками или литовцами оставляет желать лучшего. В купе с возможностью не вкалывать до последнего пота (попросту, халтурить) на государственных предприятиях, создает у многих белорусов впечатление размеренной, благополучной жизни без особых рисков для самих себя.

— **Аполитизация молодежи.** Благодаря всем вышеперечисленным пунктам государство смогло парализовать самую активную и беспокойную категорию населения — молодежь. Молодежь сознательно уходит от политических тем, избегает их, как табу. Возможные радикалы и бунтари самореализованы в рамках безопасных молодежных суб-

узнаваемыми и обзавестись поддержкой какой-то части людей, обзавестись связями, вырасти количественно и качественно. Все это может произойти благодаря активному участию в массовых социальных выступлениях и их радикализации. По сути, то что делал «Правый сектор» на Майдане, подойдет и нам.

— **Белорусские реалии не дают шанса на повторение завязки Евромайдана,** потому что никакое мирное собрание не сможет у нас долго и беспрепятственно митинговать где-либо без неминуемых репрессий со стороны власти. Так же очевидно, что градус противостояния и насилия будет даже на порядок выше, чем на Украине: если там стрелять начали через несколько месяцев, у нас стрелять могут начать сразу после неудачной попытки разогнать. На мой взгляд в Беларуси есть три реальных шанса на революцию:

1) *Митинг в канун выборов.* Повторение Площади 2010 года, с тем же или более широким размахом. Неконтролируемый оппозицией протест, перекрытие проспекта и неминуемое противостояние с милицией. В этой ситуации у нас есть возможность выступить силой, которая сможет организовать защиту митинга, баррикады и противостояние с милицией. Как показала практика, официальная оппозиция не имеет представления об организации радикальных уличных митингов и теряет контроль над большим количеством людей. Это позволяет нам воспользоваться ситуацией.

К примеру, в событиях декабря 2010 можно было бы организовать небольшие группы по три человека, агитатора, которые, при появлении спецназа, бы пошли через толпу с мегафонами и призывали наиболее крепких и решительно настроенных выйти в первые ряды. Другая группа активистов доставила бы на подступы к первым рядам звукоусилительную аппаратуру, различные средства са-

радикального противостояния с властью и капиталом, что создаст в среде угнетенных свою традицию борьбы.

Нет смысла ждать во время реакции и общественной апатии революционной волны даже из самого широкого социального движения, однако в РБ нет традиции борьбы, а без них и не будет серьезной борьба последующая.

5. Революционная волна или активная фаза.

— **Революционный момент, как момент коренного общественного перелома не может быть продуктом какой-либо даже самой крупной белорусской политической силы.** Оппозиция, анархисты или еще кто слишком слабы, чтобы инициировать революционные волнения масс. В белорусском контексте на это способен лишь коллапс экономической системы и последующее обнищание людей. В ситуации, когда старые критерии и ориентиры потеряли актуальность, а новые не сформированы может возникнуть довольно серьезное социальное движение, которое после первых репрессий может радикализировать ситуацию до полноценной революции.

Однако мы не должны ждать от этой революции многого. В том положении, в котором находится сейчас белорусское общество, глупо ожидать социальной революции и установления анархо-коммунизма даже на отдельно взятой территории. Конформизм, идеология потребления, атомизация, полная дезориентация в окружающей действительности делает народ далеким от какого-либо сознательного действия в сторону либертарного проекта. Однако это не делает возможную буржуазную революцию целиком и полностью проигранной анархистами. У нас есть шанс серьезно расширить наше влияние на общество, стать более

культур, которые если и противостоят — то только окружающим их людям, но никак не институтам. Даже в близких для нас рядах панк-хардкора остается сильной тенденция к отверганию любой политики, как занятия грязного, бессмысленного. Но, при этом, под маркой аполитичности часто происходит подмен понятий и, благодаря политизированным символам, знакам, фразам в молодежь пускают корни враждебные авторитарные течения, чаще всего националистического толка. Как пример можно привести волну моды в среде футбольных фанатов, панк-хардкора и прочей субкультурной молодежи на «свядомость», погоню и бело-красно-белый флаг. Вслед за символами, чаще всего, идет правая антиимперская пропаганда с призывом найти правительство, которое смогло бы возродить и защитить белорусскую идентичность от России.

3. Потенциальные “проблески” в темноте.

— **Близкий конец материального благополучия.** В связи с агрессией в Крыму и на Украине Россия оказалась под экономическими санкциями со стороны экономических гигантов — ЕС и США. Для ресурсоориентированной экономики России, без возможности переориентировать инфраструктуру на внутреннее производство всего необходимого, экономическая блокада может стать началом конца. А так как Беларусь находится в зоне экономического и политического влияния России, то, следовательно, повторит ее судьбу. В связи с этим есть смысл ожидать возможную “насильственную” ломку ценностей белорусов самим государством (специально или непроизвольно) т.к. Беларусь не сможет эти потребности удовлетворять. В момент культурного слома люди начнут искать другую “опо-

ру”, которой могут стать именно требования о “свободе”, “справедливости”, возможности участвовать в определенных решениях и распределении благ. Самых радикальных из этой категории культурных маргиналов сможем завербовать мы, если будем заметной политической силой, к которой будет возможность примкнуть и что-то реально делать. Те же из них, кто в силу возраста или предрассудков насчет радикалов не сделают этого будут относиться к нашей позиции лояльнее, потому что с ними мы будем говорить на одном языке.

— **Анархисты — наиболее радикальное и реально действующее на улицах политическое движение.** В Беларуси нет ни ультралевых, ни ультраправых, поэтому в нашем, радикальном, поле у нас нет конкурентов. В случае обострения социального конфликта люди будут искать именно радикалов, тех, кто действует прямо и в лоб, не играя по правилам системы. В лучшем варианте именно мы станем такой политической силой. Опыт “Правого сектора” показал, что не смотря на изначально скептическое отношение к политическим радикалам, в момент обострения ситуации радикалы смогут привлечь на свою сторону многих активных протестующих, а следовательно — привлечь и к собственной идеологии. Также наше движение располагает говорящими лицами, персонализированными активистами, которые благодаря СМИ были сделаны мучениками и стали известны в довольно широких слоях протестного электората. Все это создало у анархистов свою традицию, которая уже не является достоянием исключительно узкого круга лиц, но осталась в памяти части читателей оппозиционных СМИ. Анархистам уже есть на что яркое и значительное опереться в прошлом, не смотря на то, что это прошлое было совсем недавно.

— **Рост протестных настроений среди молодежи.** Не смотря на авторитарную суть “Погони”, бело-красно-

часть молодежи, так что при планировании своих акций необходимо ориентироваться именно на эту молодежь.

В качестве минимума, который может позволить себе каждый, можно предложить клеить стикеры. При кажущейся «субкультурности» занятия и полной отстраненности от обычных людей эти пассионарии среди молодых людей замечают стикеры, листовки, постеры на стенах, и тем больше замечают, чем ярче и радикальнее они оформлены. Тем самым мы расширим аудиторию, где люди будут считать анархистами наиболее радикальной и уличной силой.

— **Работа по социальным конфликтам и социальным движениям.** Попытка радикализировать существующие социальные движения является одной из приоритетных работ в рамках анархического движения. Нам необходимо, кроме исключительных случаев, четко позиционировать себя перед людьми как анархисты — дабы в последствии люди помнили, что именно анархисты выступали за них, пытались отстоять их интересы (даже если порой неподходящими для них методами). Нет смысла участвовать в тлеющих конфликтах, когда люди ушли от активной фазы борьбы и пытаются искать мирное, чаще всего бюрократическое, решение своей проблемы. Помощью и благотворительностью в этом деле мы не добьемся ни признания наших конечных целей (в случае победы в бюрократической возне люди признают систему работающей), ни, тем более, наших методов. Единственное решение, которое мы можем предложить — это путь борьбы, чем радикальнее — тем лучше. Поэтому лишь активные конфликты (пример Уручье, дом спецназовцев) могут принести для анархистов как необходимую картинку, так и возможность для развития собственного движения (новые связи, люди и тд). Вместе с тем и люди, будут иметь опыт

ции и пропаганды, третье поможет нам в случае активных действий.

Каждый может для себя решить, что ему ближе — агитация и пропаганда в различных видах или активные действия и начать развиваться в этих направлениях, однако чрезмерная профилизация может серьезно ограничить человека в определенных ситуациях.

Необходим минимальный уровень доверия (в зависимости от требований безопасности).

— **Символические акции, ориентированные на молодежь.** Тем самым мы будем привлекать к себе радикальных молодых людей, которые хотят действовать здесь и сейчас. Необходимость акций, как обозначения ПОЛИТИЧЕСКОЙ сути наших идей. Позиционирование в политическом поле как радикалов, уличных бойцов, непримиримых борцов с режимом. Это необходимо для того, чтобы к моменту социального взрыва анархистское движение пришло с подходящей, революционной эстетикой, как раз ставшей востребованной в момент революции. Степень радикальности должна отвечать способностям движения выдержать репрессии и уличной активности конкурентов (при отсутствии какой-либо политической активности на улицах со стороны оппонентов нет смысла символически поджигать РУВД на картинку). Однако с ростом вражеской уличной активности мы должны повышать градус радикальности, дабы можно было выделиться на фоне остальных движений. Так же мы должны стараться расширить аудиторию, которая увидит эти самые символические акции. На данный момент чаще всего ими выступают независимые СМИ, но это так же могут быть и группы в контакте (посвященные граффити, например)

Необходимо так же четко понимать, что символические акции, какие бы радикальные или креативные они не были интересуют в нашем контексте исключительно малую

белого флага, колюмны и прочей символики — эти символы являются в нынешнем белорусском контексте протестными символами. Они являются красными тряпками для репрессивного аппарата, и, как следствие, все чаще молодежь сознательно идет на конфликт с государством. Все чаще можно слышать о независимости, которая, к сожалению, понимается как государственная независимость, однако если разобрать подтекст требования о независимости, то можно найти ошибочную взаимосвязь между личной зависимостью и национальной, которая и приводит молодых людей к подобной риторике.

— **“Дефолт” старой оппозиции.** На данный момент традиционная оппозиция перестала существовать как уличная политическая сила, потеряла свои радикальные крылья. лишилась опоры в массах. В ней не заметно ни новых ярких лиц, ни новых и молодых политических сил. Вся ее деятельность сведена к собственной персонализации, традиционным шествиям и “жалобным акциям”, рассчитанным на репрессии. Единственной сильной сторона традиционной оппозиции остаются СМИ, которыми они активно пользуются для влияния на общественный контекст, но пока не способны спровоцировать массы на те или иные действия.

4. Тактические направления во время господства реакции.

Относится не только к Минску, но и к регионам.

— **Открытые площадки.** Как пример из реально существующих — ФНБ, Вольная Думка, Беспартшкола, ярмарка. Необходимо стараться максимально политизировать мероприятие и так, чтобы это не вызвало репрессий, методом проб и ошибок. “Постные” открытые площадки будут

притягивать аполитичных людей. Открытые инициативы необходимы во время реакции для того, чтобы привлечь людей заинтересованных в политическом движении. Однако необходимо понимать, что они одними из первых попадут под репрессии после первых активных действий. Также необходима открытая площадка, которая будет направлена больше на физически активную молодежь (фанатизм, к примеру), которую мы сможем контролировать и не отдадим на откуп другим политическим силам. Никакой другой функции, кроме как приход новых людей в движение, на мой взгляд, открытые площадки не несут и нести, с нашими ресурсами сейчас, не могут. То есть наивно ожидать, что даже ежемесячная ярмарка, к примеру, поменяет общественный контекст хоть на йоту, ведь люди приходящие на нее будут искать на ярмарке «халявные шмотки», а не пример альтернативной экономики. Так же контекст будет извращать любое наше начинание, от кооператива до свободного университета, преобразуя его в часть существующей системы, а не преобразуя саму систему.

Из этого следует, что на существующих открытых площадках необходимо активнее привлекать людей, общаться с ними, не оставлять в стороне от происходящего. Нужно стараться привлекать их к тому, к чему больше лежит у них душа, при этом, параллельно, присматриваясь, насколько человек подходит для более «подпольной» работы, уже в рамках движения.

Если же, количество активистов не позволяет поддерживать открытую площадку (как бывает, допустим, в регионах), то социальные сети и личное общение в субкультурных кругах, даже порой с некоторым напором, могут дать эффект.

Всякого приходящего необходимо занимать чем-то ему подходящим по образу мышления, дабы человек чувство-

вал себя причастным, а не простым зрителем (если, конечно, человек сам не выбрал для себя такую роль). Атмосфера товарищества, причастности к общему и важному делу сохранит людей возле наших площадок, часть из которых потом станут участниками уже непосредственно анархического движения.

При всем этом, мы должны четко осознавать, что до серьезного общественного крена нет смысла ожидать значительного роста радикальных политических движений, в том числе нашего. В лучшем случае количественный рост в мирное время может составить двух или трехкратный рост, не более.

Отсутствие порога доверия.

— **Внутренняя инфраструктура движения.** Различные объекты спортивного, интеллектуального развития для активистов. Огромный упор должен делаться на повышение теоретической подготовки активистов, их осознание собственной цели, основных противоречий и подводных камней, которые вскрыла история. Кроме знания основных лозунгов, шаблонов, нужно объяснять всем, кто пришел в движение сравнительно недавно, все основные этические, моральные и политические принципы анархизма, стратегические и тактические цели. Без стратегического мышления вся наша деятельность, основанная исключительно на эмоциях и сиюминутном желании, уйдет в никуда. Так же нельзя не упомянуть про ресурсы, которыми на данный момент анархическое движение в Беларуси не располагает, а ведь в ресурсы упираются многие наши возможности. Не нужно упускать всякий шанс использовать сторонние ресурсы, специалистов, помощь для развития движения если эта «помощь» не дискредитирует движение. Развивать специальные навыки — будь то программирование, веб-дизайн или военное дело. Первое и второе может пригодиться сейчас для эффективной агита-